

**Секция «История и культура Японии»
(модератор д.и.н. А.Н. Мещеряков)**

**Полхов С.А. (ИВ РАН)
Проблема генезиса текста «Коёгункан»
в современной японской историографии**

1. «Коёгункан» - важный источник по истории Японии эпохи Сэнгоку, текст которого окончательно сформировался в начале эпохи Токугава.

2. На протяжении почти всего XX столетия, с конца XIX вплоть до конца XX века, в японской науке господствовало скептическое к нему отношение, за редким исключением историки были склонны отрицать достоверность сообщений «Коёгункан».

3. Выход в свет нового фундаментального издания текста «Коёгункан» в 1990-х годах заставил ученых пересмотреть многие укоренившиеся представления о происхождении и авторах этого сочинения.

4. В настоящее время «гиперкритическое» восприятие «Коёгункан» отступило на второй план, акцентируется истинность многих сведений, содержащихся в нем. Японские исследователи отмечают многогранность этого сложного источника, данные которого могут быть использованы при изучении самых разных аспектов истории и культуры Японии второй половины XVI – начала XVII вв.

**Щепкин В.В. (Институт восточных рукописей РАН, г. Санкт-Петербург)
Влияние России на распространение колониальных идей в Японии XVIII-XIX вв.**

В конце XVII — начале XVIII вв. в Японии получили распространение сочинения о различных странах мира, в том числе европейских. Значительную их часть занимали описания жителей, климата, производимых товаров, однако из них совершенно невозможно было почерпнуть информацию о реальном положении дел в мире, а именно на это время приходится пик колониальной активности европейских держав. Только во второй половине XVIII в. с приближением России к северным пределам Японии появляются сочинения, в которых японские интеллектуалы начинают обращать внимание на колониальную деятельность западных стран.

Кудо Хэйсукэ в своем сочинении «Изучение слухов о Камчатке» на основе голландских источников прослеживает ход продвижения России на восток и дает характеристику политике российских императоров по приведению в подданство коренных народов Сибири. Его идейный наследник Хаяси Сихэй пошел дальше: в его сочинении «Общий обзор трех стран» содержится уже теоретическое осмысление колониальной деятельности (с опорой на европейский опыт), а также выдвигаются практические идеи по приведению в подданство окружающих Японию народов и присоединению незаселенных островов.

Наиболее радикальными выглядят идеи Хонда Тосиаки, образцом успешной колониальной политики для которого была уже Великобритания, — в своих сочинениях он даже предлагает перенести столицу Японии на одну широту с Лондоном, на Камчатку. Наконец, свое логичное выражение распространение колониальных идей находит в труде Ямамура Сёэй «Исправленное и дополненное издание “Отобранных и рассмотренных чужеземных речей”», которое представляет собой переработку известного труда Араи Хакусэки. В нем уже подробно рассмотрена деятельность всех наиболее значительных европейских держав.

Некоторые из перечисленных мыслителей, безусловно, оказали влияние на политиков периода Мэйдзи: в своем докладе мы также покажем на примерах, в чем оно проявлялось.

Чекункова Е.С. (УрФУ, г. Екатеринбург)
Реформы правительства Мэйдзи на о. Хоккайдо
и их влияние на жизнь коренного населения Японии

В период Мэйдзи начинается активизация внешней политики Японии, усиление экспансии и империалистических настроений в стране. Произошло объединение Японских островов и расширение Японии, присоединение независимого королевства Рюкю и острова Хоккайдо. Таким образом, в 1868 г. айны стали подданными Японской империи. Происходит заселение и освоение острова Хоккайдо и Курильских островов, начинается новая веха в истории как японского, так и айнского народа.

Главной целью правительства Мэйдзи после присоединения о-ва Хоккайдо стала разработка богатых природных ресурсов острова, которые были необходимы стране для развития промышленности и поддержания растущей численности населения. Для достижения этой цели в 1869 году создается Комиссия по развитию Хоккайдо, деятельность которой была направлена на поощрение развития сельского хозяйства, лесного хозяйства, животноводства, рыбного хозяйства, разработку промышленности и месторождений полезных ископаемых и др. Вместе с этим, начинают предприниматься меры для стимулирования миграции из центральной части Японии на Хоккайдо, и, в связи с этим, была принята серия законов о распределении и освоении земель острова. Преобразования, проводившиеся на острове, нельзя оценить однозначно. С одной стороны они способствовали росту населенных пунктов и городов на острове, развитию и модернизации промышленности, строительства и инфраструктуры. Однако с другой стороны, эти реформы негативным образом отразились на жизни коренного населения Японии.

В 1892 году земли, традиционно принадлежавшие айнам, были изъяты японским правительством для их разработки, согласно Имущественному праву, так как считались неиспользуемыми. Кампания по стимулированию мигрантов к обработке земель имела большой успех среди японского населения, но, вместе с тем, способствовала обнищанию аборигенного населения. В 1899 году был принят Закон о защите бывших аборигенов Хоккайдо по примеру американского закона, известного как Акт Дауэса, принятого для американских индейцев в Оклахоме. Закон в целом носил дискриминационный характер. Он игнорировал тот факт, что жизнедеятельность айнов зависит от рыболовства и охоты, которые были запрещены правительством для содействия развитию фермерского хозяйства и контроля производства продукции. Этот же закон обязал айнов получать образование только на японском языке. Культура и традиции айнов также не избежали трансформации. Правительство стало налагать запрет на многие обычаи (например, был введен запрет на татуирование у женщин и ношение ушных украшений у мужчин), обязало айнов носить японские имена. Несмотря на губительное воздействие закона в отношении культуры, языка и образа жизни айнов, правительство Японии смогло пересмотреть его только в 1997 г., когда был принят «Закон для продвижения айнской культуры и распространения знаний о традициях айнов», который предусматривает проведение мер для сохранения и развития культуры коренного народа Японии.

Таким образом, реформы, предпринятые правительством Мэйдзи на острове Хоккайдо, способствовали принудительной ассимиляции. Исследователи отмечают, что период Мэйдзи привел к изменению всех сфер жизни айнов. Японский исследователь Оцука Кадзуоши сравнивает политические меры периода Мэйдзи в отношении айнов с теми, которые применялись Японией при аннексии Кореи в 1910 г. Некоторые этнографы, в том числе и С. А. Арутюнов, считают, что реформы Мэйдзи, которые были проведены якобы для сохранения традиций и прав народа, например, принятие «Закона о защите бывших аборигенов Хоккайдо», имели на самом деле только формальный характер. На самом деле они скорее способствовали «крестьянизации» айнов и, в конечном счете, привели к обнищанию народа.

Многие проблемы айнов, появившиеся в период Мэйдзи, не решены до сих пор. Например, проблема этнической дискриминации, разница в экономическом положении айнов и японцев, низкий уровень образования среди представителей малого народа и др. Сегодня Ассоциация айнов острова Хоккайдо, которая официально выражает интересы айнов в Японии, заявляет, что все нововведения и меры, предпринимавшиеся с середины XIX – начало XX вв., делались в угоду новых властей без учета мнения местного населения. Японское правительство не интересовалось, как живут местные аборигены, как они привязаны к своей земле, сложившимся природным и бытовым условиям. Жизнь айнов начинала коренным образом меняться без их согласия, и эти изменения в значительной степени отразились на дальнейшем социально-экономическом и культурном развитии народа.

Михайлова С.А. (МГЛУ)

**К 100-летию второго визита в Россию японского принца Кан-Ина
в сентябре 1916 г. Деятельность российско-японского общества**

В сентябре 2016 года исполнилось 100 лет со дня второго визита в Россию японского принца Кан Ина со свитой. Вне всякого сомнения, данный визит был самым значительным и самым насыщенным по программе пребывания из всех визитов особ японского императорского дома конца 19 - начала 20 века. Визиту предшествовало подписание конвенции 20 июня /3 июля 1916 года между Россией и Японией относительно охранения Китая от политического господства какой-то третьей державы. Секретная часть ее предусматривала взаимную военную помощь, если при известных обстоятельствах «будет объявлена война между одной из договаривающихся сторон и третьей державой». «Соглашение 1916 года стало высшей точкой русско-японского сближения после 1906 года.», - так написал Д.В. Стрельцов в недавно опубликованной в 2015 году «Истории Японии».

Про данный визит в советское время практически не писали, поэтому, на основе архивных исследований хотелось бы про него рассказать. Россия была крайне заинтересована в этом визите. Никогда до сих так тепло Романовы японцев не принимали: в ставке Императора в Могилеве, в Киеве у вдовствующей императрицы Марии Федоровны, в Александровском дворце у Александры Федоровны, во дворцах у всех членов императорского дома и пр.

Каждый от мала до велика из фамилии Романовых оставили воспоминания об это визите. До этого японцам такого внимания не уделяли. Даже во время русско-японской войны в дневниках и письмах столько про японцев не писали.

Из письма Великого Князя Николая Михайловича Императору Николаю Второму от 17 сентября 1916 года: «Мы здесь поглощены японцами; завтраки, обеды чередуются непрерывно, но видно, что оказанный им всюду радушный и теплый прием их трогает и льстит их заморскому самолюбию. Что касается меня, то я все исполняю, но, ненавидя, как тебе известно, церемонии, страдаю и теряю вдохновение, а потому и записка моя еще не закончена до отлива японских лобызаний. От всей души обнимаю тебя и молю всевышнего об успехах на поле брани и внутри России. Весь твой Николай М.»

Почему было столько внимания японцам? Никто это не скрывал - приложение к русско-японской конвенции 1916 о поставке пушек и оружия было жизненно необходимо для Российской империи. Просто и четко это сформулировал сам император Николай в своем тосте по случаю встречи с принцем Кан Ином в воскресенье 11 сентября в императорской ставке: «Я вижу в приезд вашего императорского высочества в Россию новое доказательство желаний Его Величества Императора Японии закрепить узы дружбы связывающие наши обе империи. Эти узы подтверждаются братством по оружию в борьбе против общего врага и мне приятно отметить по сему случаю храбрость, выказанную японской армией и доблесть ея флота. Я сознаю также услуги, оказанные японским правительством в деле снабжения моей армии оружием. Ваше императорское высочество во

время своего пребывания в России сможете лично убедиться в глубокой симпатии моей империи к Японии и японцам. Прошу Вас передать отзвук этой сердечной дружбы вашему государю. Я пью за здоровье его величества императора Японии, Ея величества Императрицы, а также за славу японской армии и флота и за процветание Японии.»

В ответ японец ничего конкретного не сказал, сроки поставок оружия не уточнял. Вечером того же дня принц со свитой выехали в Киев, затем, через Москву, в Петербург. В Петербурге его ждала насыщенная программа — за четыре дня пребывания принц успел много. У него было много встреч, обедов, посещение лазарета японского Красного Креста, Думы, экспедиции заготовления государственных бумаг, Николаевского Кавалерийского училища, Путиловского завода, императорского Эрмитажа, Русского музея, Мариинского театра, где для балета «Конек — Горбунок» 18 сентября были специально написаны и поставлены японские танцы и пр.

Несколько раз принц встречался и с членами русско-японского общества. В субботу 17 сентября русско-японское общество давало шикарный обед у «Кюба». Принц уделял обществу столько внимания не только потому, что являлся президентом японо-русского общества, а потому, что через торгово-справочное бюро, основанное при обществе, и должны были осуществляться все поставки по соглашению 1916 года. То есть русско-японское общество, которое было основано в 1912 году, являлось основной торгово-экономической организацией, которая должна была исполнять решения конвенции 1916 года.

Вот как писала про японо-русское и русско-японское общества столичная пресса начала 20 века: «Японо-русское общество было основано в 1912 году. Председателем был избран Генерал-губернатор Кореи граф Тераути. Президентом единогласно принц Кан Ин. Это общество и в японской печати и в населении японской столицы и городов начало быстро проводить русофильские взгляды, а для изучения торгового дела обеих стран, по инициативе принца Кан Ина, было создано при нем особое торгово-справочное бюро. Одним из видных деятелей является и барон Мегато, влиятельный член верхней палаты. Общество имеет свою библиотеку. Деятельность японо-русского общества в Токио особенно сказалась в настоящие дни войны, когда ему пришлось принять активное участие в распределении казенных заказов для России. Для той же цели сближения России и Японии было в Петрограде в 1912 году также было создано русско-японское общество. Председателем его состоит статс-секретарь граф Коковцов В.Н. Члены общества: И.П.Шипов, А.Н. Вентзель, Г.А. Казаков, Е.А. Егоров, Савицкий, Львов и др.»

Если смотреть на вышеперечисленные фамилии, то с российской стороны, членами общества, были в основном, сотрудники Министерства Иностранных Дел и крупные чиновники других ведомств. Например, Казаков (Казаков) Григорий Александрович (1869-1919). Именно он разрабатывал текст соглашения 1916 года. Под его началом тогда работал и будущий известный ученый Поливанов. В 1910 году Казаков стал камергером. В 1912 году — действительным статским советником. Учился на факультете восточных языков Петербургского университета. Служил в МИД. Студент (1893) и исполняющий обязанности драгомана (1897) российской миссии в Японии. Секретарь консульства в Бомбее (1899), вице-консул в Сеуле (1901), 2-й секретарь посольства в Китае (1904) и Японии (1905-1913), затем — сверхштатный чиновник особых поручений 5-го класса при министерстве иностранных дел. В 1914-1917 — советник 4-го (дальневосточного) политического отдела. Член совета русско-японского общества. В 1917-1918 — член исполнительного комитета Общества служащих МИД. После революции, несмотря на то, что все говорили в один голос, что нужно срочно уезжать, Казаков все медлил и не мог расстаться с Петербургом. Но когда стало ясно, что остаться невозможно, он переходил финский залив уже по тонкому льду. Провалился. Сильно остудил ноги и умер в Финляндии в 1919 году. Председатель же общества, граф Владимир Николаевич Коковцов, который был и министром финансов, и председателем Совета Министров, умер в Париже в 1943 году. Еще один член общества — Шипов Иван Павлович, тайный советник, в 1916 году был Управляющим Государственным банком. Умер в 1920 году. Репрессирован большевиками.

19 сентября 1917 года японский принц отбыл из Петербурга. Оружие не было полностью поставлено. Правда, винтовки Арисака сохранились в арсеналах Петербурга и «Мосфильма», как память о соглашении 1916 года.

2 марта 1917 года Николай Второй подписал акт отречения от престола. Петербург закрутил революционный вихрь. 3 марта 1917 года было создано Временное правительство. Царь и семья были арестованы в Александровском дворце. В ночь с 31 июля на 1 августа 1917 года в вагонах японского красного креста (председателем которого был принц Кан Ин) семью последнего Императора — Николая Второго, Александру Федоровну, Алексея, Ольгу, Татьяну, Марию и Анастасию отправили в ссылку в Тобольск.

25 октября — 7 ноября — свершилась Великая Октябрьская Социалистическая революция. Большевики победили. Началась гражданская война. В марте 1918 года Ленин перенес столицу в Москву. 17 июля 1918 года в Ипатьевском доме в Екатеринбурге была расстреляна семья последнего Императора Николая Второго. Посольство Японии из Петербурга уехало. Потом, через некоторое время, Япония открыла посольство в Москве. Началась другая история. История отношения Японии и СССР.

Долин А.А. (Международный университет Акита, Япония)
Русская классика и новая японская поэзия

By the beginning of the XX century, Russian classics - Gogol, Tolstoy, Dostoevsky, Turgenyev, Chekhov and Gorky - were already widely introduced in Japan due to the efforts of many talented translators. Their works became an indispensable part of Japanese culture in the Meiji, Taisho-early Showa period. The influence of Russian humanist aesthetics can be traced in the stories and novels by the renowned Japanese writers of the time.

However, the most impressive response to the encounter with Russian culture can be found in the poetry of New Japan, both in the traditional genres like tanka and in the innovative forms of kindaiishi and gendaishi. In the Meiji era, ingenious Ishikawa Takuboku and his friend Toki Aika in their poems created a romantic ode to Russian revolutionary spirit. In the Taisho era, Momota Soji and other authors of the Democratic school praised Russia as the Promised Land of freedom and hope. Their legacy was taken over by Tsuboi Shigeji, Nakano Shigeharu, Matsumoto Junzo and other leaders of the Proletarian Literature movement. For about a decade Russian theme dominated in Japanese proletarian verse. Later, in the early 30-s, Oguma Hideo in his books worshipped the revolutionary poetry by Mayakovsky.

In the meantime, Russian avant-garde art deeply influenced the bards of Japanese Futurism like Hirato Renkichi and Kanbara Tai who were personally instructed and inspired by David Bourlyuk. The best poet and novelist of Japanese Neo- Sensualism Muroo Saisei, an admirer of Tolstoy and Dostoevsky, is also famous for his poems in praise of Russian culture.

Translations of the Russian poetic classics (Pushkin, Blok, Tsvetaeva, Pasternak and others) contributed greatly to the enrichment of the gendaishi poetic imagery in the mid XX c. The “Russian trend” in the new poetry also affected the modern folk culture and stipulated the great interest in Russian songs that has lasted until the end of the Showa period.

Герасимова М.П. (ИВ РАН)
Литературные связи России и Японии в XX – н. XXI в.:
Непрерывность идейного взаимодополнения

Литература - как фактор, обусловивший существование парадокса во взаимоотношениях между народами России и Японии: с одной стороны политическая конфронтация, с другой - взаимный глубокий интерес к духовной жизни друг друга.

Восприятие японской литературы (классической и современной) в российском обществе в наши дни. Феномен Мураками Харуки. Поиски «японского таинства». Японская литература - необходимый компонент интеллектуальной жизни в России.

Восприятие русской литературы досоветского периода в Японии. Существование стереотипа в понимании России японцами. Сибя Рётаро. «О России. Изначальный облик Севера».

Изменение стереотипа в понимании России японцами, возрастание интереса к России, увлечение литературой страноведческого характера и другими информативными средствами, рассказывающими о русских нравах и обычаях, сопровождаемое снижением интереса к русской художественной литературе.

В то же время - серьезное изучение работ русских теоретиков литературы, что позволяет говорить о расширении диапазона филологических взаимовлияний и непрерывности идейного взаимодействия.

Левченко Е.Н. (к.ф.н., независимый исследователь)
Изучение истории японского языка в России и зарубежье:
прошлое и современные тенденции

Начиная разговор об исследованиях по истории японского языка, каждый специалист непременно вспоминает труды Н. И. Конрада, Н. А. Сыромятникова, Е. Д. Поливанова и Е.М. Колпакчи. Вне всяких сомнений, в середине 20 в. исследования в данной области языкознания разрабатывались в актуальном ключе, заслужив многолетнее уважение и признание, в виде многочисленных репринтов первых изданий.

С другой стороны, у нас нет аргументов против актуальности изучения истории японского языка сейчас, поскольку практически каждый ВУЗ, ведущий подготовку специалистов — востоковедов/японистов предлагает лекционные курсы по истории языка. Среди выпускных работ бакалавров/магистров встречаются работы по данной отрасли японоведения. Здесь возникает вопрос — могут ли они быть актуальными, выполненными в русле современных тенденций развития диахронической лингвистики, учитывая полное отсутствие исследований по истории японского языка в России в течение последних сорока лет.

В данном докладе предлагается обзор современного состояния диахронических исследований по японскому языку, начиная с различных систем транскрибирования исторических текстов, актуальности сегментирования и глоссирования текстов и, заканчивая краткой характеристикой основных работ/корпусов зарубежных авторов на сегодняшний день.

Климов В.Ю. (Институт восточных рукописей РАН, г. Санкт-Петербург)
Япония в донесениях консула И.А. Гошкевича (по архивным материалам)

Иосиф (Осип) Антонович Гошкевич (1815-1875) 21 декабря 1857 г. был назначен консулом в Хакодате. Он пребывал в этой должности до 1865 г. Его донесения до 1862 г. (до отправки первого японского посольства в европейские державы: Франция, Англия, Голландия, Пруссия, Россия и Португалия) составляют источниковую базу сообщения (архивы АВПРИ и РГА ВМФ). Российский консул в своих депешах сообщал в Петербург ценную информацию, которую можно для связности изложения распределить по следующим темам в предстоящем докладе:

- об особенностях финансовой системы Японии в период *бакумацу*,
- о порте Ниигата, который собирались открыть для посещения иностранных кораблей,
- о посылке японского посольства в Америку и планах послать подобное же посольство в Европу,

- об особенностях государственного устройства и структуры управления, чиновничьего аппарата,
- об отношениях между сёгуном и императором и об ошибочных представлениях, бытующих в европейских государствах по этому поводу,
- об отношениях между сёгуном и даймё, а также об отношении японской правящей элиты к представителям иностранных государств.

В немалой степени на основе сообщений консула 23 декабря 1861 г. в Высочайшем присутствии императора на заседании Особого комитета были приняты рекомендации для решения императором "по делу об острове Сахалин" и для ответа на просьбу об отсрочки открытия японским правительством на семь лет городов Эдо и Осака, а также портов Хёго и Ниигата. В докладе будут также использованы архивные материалы из фонда 410 (фонд Канцелярии Морского министерства) РГА ВМФ.

Бабкова М.В. (ИВ РАН)

Храм Антайдзи и современное состояние школы Сото

Буддийский храм Антайдзи (安泰寺) в префектуре Хёго формально относится к школе Сото японского Дзэн-буддизма. Ее основатель монах Догэн (1200–1253), известный ныне по всему миру как крупный религиозный мыслитель и выдающийся подвижник, стремился воссоздать в Японии чистое учение Будды Шакьямуни. То, что он называл «истинным Законом» (正法), на самом деле представляло собой его собственное оригинальное учение, во многом развивающее идеи мыслителей взрастившей его самой японской буддийской школы Тэндай. При этом, поскольку Догэн путешествовал в Китай и перенял там линию преемства Жу-цзина, наставника Цаодун (曹洞, яп. Сото), японская школа, почитающая Догэна как патриарха-основателя, получила то же название как преемница китайской традиции.

В настоящее время буддийская организация «школа Сото» (曹洞宗) — одна из крупнейших в Японии и распространяется по всему миру (в Японии Сото принадлежит около 15000 храмов и она насчитывает более 8 млн. последователей). Фигура Догэна превратилась в один из главных символов школы, а составленное им собрание трактатов «Вместилище сути истинного Закона» — в основной текст, содержащий ее вероучение. При этом современное положение дел в Сото во многом несет на себе отпечаток событий, произошедших за долгие века передачи традиции, особенно, в XVII в. в эпоху Токугава и в конце XIX в. в период преобразований Мэйдзи.

Храм Антайдзи был основан в 1921 г. как место для изучения «Вместилища сути истинного Закона», и его настоятели с самого начала прилагали особые усилия для сохранения преемственности традиции Сото. Однако здесь же работали такие выдающиеся проповедники Сото на Западе, как Саваки Кодо роси и Утияма Косё роси. В настоящее время храм уникален тем, что с 2002 г. его настоятелем является европеец: преп. Мухе Нёльке (無法 Nölke) — немец. Интересно посмотреть, как именно в храме обеспечивается «верная передача Закона Будды» (佛法正伝), насколько то учение, которое сейчас проповедует преп. Мухе Нёльке, продолжает учение Догэна (на наш исследовательский взгляд извне традиции), и как вообще Дзэн-буддизм отвечает на вызовы современности.

Скорее всего, ситуация Антайдзи нетипична, но потому и интересно начать с этого храма, чтобы затем поставить дальнейшие вопросы: скорее, развивается или, скорее, угасает традиция Сото в современном мире? Как разрешается в школе Сото извечно актуальное для японцев противоречие между стремлением следовать авторитету древних писаний и необходимостью давать ответы на новые вопросы, возникающие в новых исторических обстоятельствах? Насколько мы можем говорить об аутентичности западных интерпретаций учения Сото? На Западе постоянно переводятся новые тексты, важные для традиции Сото, все больше европейцев получают документы преемства, становятся священниками и даже

настоятелями храмов. В то же время данные по самой Японии весьма неутешительны: храмы закрываются, священники вынуждены искать различные подработки или вовсе уходят со своих постов. Возможно, анализ ситуации в храме Антайдзи позволит чуть четче прорисовать один из участков сложного узора современной картины по школе Сото в целом.